

Дмитрий Дибров — «Газете»

«Новости по ТВ — это как литургия»

Дмитрий Дибров — фигура на нашем телевидении уникальная. Его внешность и манера говорить не просто не вписываются в телеформат, принятый в «Останкино». Дибров — аформатен. Работая 20 лет на телевидении, Дмитрий Дибров до сих пор делает это драйвово, трепетно относится к профессии и очень хочет быть услышанным. Его возвращение на экран в роли ведущего нового проекта «ПроСвет» порадовало поклонников: после закрытия «Антропологии» ночной эфир опустел. А появление Диброва в качестве ведущего «Вести. Подробности» серьезно расширило горизонты программы. О подробностях вестей и просветов на ТВ Дмитрий Дибров поведал корреспонденту «Газеты» АLINE РЕБЕЛЬ.

До «Вестей. Подробности» вы в информационном формате не работали. Нравится?

Это тоже не совсем информационное вещание: хотя оно находится в преддверии главной информационной программы страны, но мы понимаем, что речь идет только о событиях культурных. Собственно информация и актуальность у нас не главный герой. Стоит задача если и дать культурную новость, то, может быть, даже и выработать ее — если под культурой понимать затверженное у нас в красках, словах, звуках мировоззрение, то это может быть новостью само по себе.

И все-таки это более официальный формат. Вам в нем не тесно?

Я пока не успел этого заметить по тем нескольким выпускам, которые были. Но приходится принимать во внимание, что, при всех допущениях, это все-таки часть «Вестей». И тогда приходится особенно бережно относиться не только к минутам, а к секундам. Кроме того, я предыдущие 20 лет своей работы на ТВ не предполагал, что главный инструмент работы телеведущего — это вопросы. Это так же важно, как мясо для шашлыка. И хотя не собственно мясо составляет очарование шашлыка, а неповторимый аромат и искусство повара, без мяса шашлыка не бывает. Поэтому приходится вопрос с особой тщательностью разрабатывать.

Вы работаете в одном проекте с Мацквичюсом. Когда вы с ним разговаривали, он сказал, что вы работаете от батареек, а он — от сети. Вы согласны?

Я очень люблю Эрни. Я люблю с ним видеться и за рамками телестудии, и я очень дорожу его пронизательным, афористичным умом. Мне очень нравится подобная аналогия, я с ней, конечно, согласен. Эрни, конечно, не может помнить то время, когда работающий от сети громкоговоритель нес одно, а приемники, которые работали от батареек, могли нести еще кое-что, чем очень дорожит мое поколение. Но он имел в виду, конечно, совсем другое.

фотограф

Его работа тесно связана с теми политическими, парламентскими новостями, которые составляют основу новостийного поля страны.

Кстати, о новостийном поле. Второй канал не раз обвиняли в цензуре. Вы ее ощущаете?

Вы спрашиваете человека, который ничего другого никогда не видел (*смеется*). Это цензура?! Пожили бы они с мое, поработали бы они в 1983 году в журналистике, чтобы говорить о цензуре... Я в своей работе ее не чувствую. Мы с Гребенчиковым в «ПроСвете» занимаемся тем, что рапортуем людям о других ценностях, кроме монетарных. При этом мы несамостоятельно работаем: со мной постоянно видится руководство телеканала «Россия», но эти беседы скорее носят характер творческих разработок. Может быть, это и цензура. Но я должен заявить, что без такой цензуры я не представляю себе работу. Шесть лет назад точно так же на канале НТВ мы все слушали Добродеева. При этом мы уверенно полагаем, что работаем на канале, который был провозвестником свободы слова. Кроме того, стеснение придает форме изящества. Я не знаю ни одной передачи, включая собственные, которые не выиграли бы от сокращений.

Бывало, что руководство канала не утверждало ваши кандидатуры гостей?

Руководство говорило: подумай хорошенько, что ты из этого получишь. Там не было никакой политической окраски. Я как-то хотел поговорить с академиком N о проблемах физики элементарных частиц или с другим академиком — о проблеме формализма в современной живописи в противовес психологическому реализму Репина. Мне было сказано — подумай хорошенько, будет ли это

интересно большому числу людей. Но не было такого: «Имярек никогда не будет у нас в эфире!»

Когда появился «ПроСвет», оказалось, что он очень похож на «Антропологию». А в чем главные отличия между этими проектами?

«Антропология» и «ПроСвет» — вехи последовательного проведения одной и той же мировоззренческой идеи на телевидении. Отличие — в самом тоне, каким мы говорим с людьми. И в финансовых возможностях. Я представить себе не мог, чтобы в «Антропологии» поговорить с Брэдбери или Апдайком. Никто никогда бы не дал на это денег. А сегодня канал с удовольствием такие интервью финансирует.

Многие зрители «ПроСвета» с удовольствием имели бы себя в музыкальной коллекции некоторых композиций, показанные вами. Это будет возможно?

Сейчас редакция «ПроСвета» работает над выпуском совершенно нового, доселе невиданного издания на DVD: мы хотим издать обзор лучших моментов «ПроСвета» за месяц. Этот DVD будет распространяться как журнал и не будет стоить дорого.

Чтобы быть более народными? Перебить попсу?

Я бы не хотел, чтобы казалось, будто мы с Гребенчиковым противопоставляем скромный «ПроСвет» гигантской машине поп-индустрии. Мы ни разу скверно не отозвались в эфире ни об одном поп-исполнителе. Ни разу напрямую не критиковали поп-индустрию. Не потому, что она не заслуживает критики. Нам кажется, что лучшая агитация — это созидание. И если те люди, которых мы предлагаем в качестве здоровой эстетической пищи, сами скажут за себя, это будет лучшая агитация.

Поэтому мы сознательно стараемся избегать противопоставления. Мы ведем себя так, будто попсы нет.

Но сами вы тоже попытались работать на поп-индустрию. Например, в проекте «Я готов на все!», который провалился. Почему, кстати?

Судьба телепроекта определяется не менее сложными критериями, чем судьба человека. Я за свою жизнь делал три попсовых проекта: «О, счастличик!», «Народ против» и «Я готов на все!». Какие разные судьбы у трех проектов... «О, счастличик!» имел повальный успех. Проект того же автора «Я готов на все!» имел очень низкий рейтинг. Это не говорит о качестве работы — все мои коллеги работали с отдачей. Неудача «Я готов на все!» вряд ли находится внутри самой программы. Мне представляется, что нельзя было пренебречь опытом Добродеева, который в 1998 году рискнул поставить «О, счастличик!» в четверг вечером, когда ни один канал не показывал игры. В первый месяц был очень низкий рейтинг, его хотели снять с эфира. А на второй месяц народ распробовал, рейтинги зашкаливали, и тогда его перевели в субботний прайм-тайм. И он не сходит по сей день. Почему-то с программой «Я готов на все!» сделали не так. Видимо, решили, что эта программа так гуманна, так хорошо сделана и выигрышна, что она вытерпит воскресный тайм-слот, который природно закреплен за фильмами.

Вы — настоящий живой бренд. Даже то, что раньше многих раздражало — неприличные интонации, косноязычие, сложные фразы и слова, — все это стало визитной карточкой. Что нужно сделать, чтобы стать брендом?

Вы еще не все перечислили: я сижу в кадре скрюченный, как

улитка, у меня нос как у удода, я говорю «Тю!» в момент наивысшего душевного подъема (это делают все у меня на родине, на Дону, просто они не сидят в кадре). Конечно, это непрофессионально. Просто я вижу, что есть еще что-то, что заставляет зрителя не замечать эти недостатки. Когда зритель чувствует, что ведущий не пустышка, что его ведет по жизни стремление достичь цели, прямую относящейся к улучшению жизни этого самого зрителя, — тогда зритель начинает прощать ему все, что отличает телеведущего от идеала. Всегда видно человека цельного и того, кто готов делать абсолютно все, лишь бы только его стрекот, пестрые одежды были бы видны зрителю. Тут-то и начинаются особые заботы о брендах, проектах и своем месте. Пора перестать думать, что от нас, телеведущих, что-нибудь зависит. Мы — ничто, профессия за нашими плечами — все.

Почему же тогда любят Малахова, который с ужимками и прыжками говорит об очень болезненных вещах для страны и общества?

Я работал с Андрюшей Малаховым на «Утре». И всегда знал, что, если нужна качественная, оперативная и оригинальная журналистская работа, ее можно поручить ему. Я всегда говорил, что дневной эфир — это страшные рамки. У Андрея в «Пяти вечерах» ведь формат. Он совсем не глупый, не мелкий человек. Просто поджимает время: это же день, день требует рейтинга, а рейтинг создается темпом. И получается: «Как здоровье вашей бабушки?» — «Она умерла в прошлом году». — «Да? Ну и кем она сейчас работает?» Делать журналистику днем страшно сложно. Не думайте, что телеведущие что-то могут сами по себе, что мы и есть тело телевидения. Я потому и назвал свою книгу о телевизионном опыте «Раб лампы». Мы можем многое, пока лампу трут.

Вы многие тележанры перепробовали: что бы еще хотелось попробовать?

С удовольствием повел бы информационную программу. Мне интересно поработать в новостях, потому что на протяжении всей истории разные формы самосознания нации делали ее нацией. Раньше роль собирательницы культуры принадлежала церкви, теперь — телевидению. Новости по ТВ — это как литургия. Я должен каждый час смотреть новости, чтобы знать, что я не выпал из цивилизации. Что есть на свете кто-то всесильный, кто обо мне заботится. Мною руководят электрические образы. Мы думаем только так, как нам показывают. Мы знаем, что мы — единая страна, потому что нам показали это: мы в жизни не были во всех ее концах. Мы знаем, что есть мудрые министры, радующие о нашем благе, ничего себе не требуя взамен, только потому, что мы их видели по ТВ: результаты их деятельности для нас секрет, телевидение их не показывает.